

Не узрѣлъ ли онъ тогда лицомъ къ лицу Первообразъ вѣчной истины и красоты, который открывался ему до сихъ поръ только въ отдаленномъ отраженіи въ минуты святого вдохновенія?

Не почувствовалъ ли тогда поэтъ еще

глубже сродство со своимъ монастырскимъ старцемъ Пименомъ, взиравшимъ на тотъ же лучезарный Божественный Ликъ?

Архіепископъ Анастасій,

Иерусалимъ.

Русское и французское Благочестіе.

Мальчикомъ 13 или 14 лѣтъ узналъ я о Св. Серафимѣ Саровскомъ, увидѣвъ на стѣнѣ постоялаго двора въ какой-то глухой деревнѣ одного изъ сѣверныхъ уѣздовъ Тверской губерніи дешевую литографію, изображавшую старца, молящагося въ лѣсу съ воздѣтыми руками. Старецъ тогда еще не былъ канонизированъ, но почитаніе его уже широко распространилось въ народѣ: наши мѣста находятся не ближе, чѣмъ въ 500 верстахъ отъ Сарова.

Съ тѣхъ поръ прошло почти 40 лѣтъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Национальной библіотекѣ, въ Парижѣ, просматривая «Литературную исторію религіознаго чувства во Франціи» аббата Бермона, наткнулся я на снимокъ съ портрета знаменитаго французскаго церковнаго дѣятеля 17-го вѣка, кардинала де Берюлля, и почему то сразу вспомнилъ о Св. Серафимѣ на стѣнѣ избы.

Русскій святой былъ изображенъ одѣтымъ плохо, волосы и борода длинные, нетронутые, такіе, какъ ихъ Богъ растилъ, намять о преподобномъ разносятъ убогія литографіи, но ошибся бы тотъ иностранецъ, который, можетъ быть и доброжелательно, но съ нѣкоторой высокоумѣнной снисходительностью подумалъ бы, что Саровскій подвижникъ — святой спеціально для простыхъ, необразованныхъ людей.

Незримый, но непрерывный мостъ соединяетъ лѣса Темниковскаго уѣзда съ пустынями Синая и Египта, связываетъ бревенчатая келліи русскаго заштатнаго монастыря временъ Императора Александра I-го съ епископскими домами Капподокіи временъ первыхъ византійскихъ императоровъ. Невидимыя, но крѣпкія нити тянутся отъ духа и разума Курскаго купеческаго сына XVIII столѣтія, ставшаго потомъ преподобнымъ Серафимомъ, къ душамъ египетскихъ крестьянскихъ сыновей

IV вѣка, къ душамъ Пахомія и Макарія, и не къ нимъ однимъ, но и ко многимъ другимъ, особенно же, можетъ быть, къ душѣ того знатнаго малоазійскаго грека, вдумчиваго ученика Аѳинской философской школы, котораго все христіанство прославляетъ подъ именемъ Василия Великаго. Не Тамбовское провинціальное благочестіе начала девятнадцатаго вѣка передъ нами, а широта внѣ пространство и время.

Вселенскіе учителя кажутся сейчасъ многимъ недоступными горами. Писанія, жизнь, самыя личности праведниковъ, болѣе близкихъ къ намъ по времени, — ступени и подходы къ этимъ вершинамъ. Вотъ почему старецъ Серафимъ святой не для русскихъ простецовъ только, но святой и для образованныхъ, истосковавшихся по правдѣ людей, не только русскихъ, но, въ будущемъ, навѣрное и иностранцевъ.

Отъ копѣчной деревенской картинки перейдемъ къ кардинальскому портрету: тонкій профиль, подстриженные волосы, холеная укороченная бородка, богатая одежды — пурпуръ и кружева. Вспоминаешь порфиру и виссонъ. Знаменитый Филиппъ де Шампанъ написалъ благочестиваго кардинала Берюлля такъ же, какъ онъ написалъ грѣшнаго кардинала Ришелье. Судя по портрету, русскій человекъ скажетъ и про перваго: «надменный вельможа а не праведникъ».

Приходитъ чередъ русскому человеку судить по видимости и тоже впасть въ ошибку. Но намъ все таки непонятно, какъ Шампанъ, самъ человекъ очень религіозный не сумѣлъ передать духовную красоту и сущность образа Берюлля; еще болѣе удивляешься, какъ Бремонтъ, тонкій и вдумчивый писатель, не почувствовалъ, что помѣщаемое имъ изображеніе Берюлля не соотвѣтствуетъ той характеристикѣ,

которую онъ даетъ этому лицу, рассказывая о его смиреніи, простотѣ и святости.

Все это мелочи, но онѣ свидѣтельству- ютъ, что внутреннее существо французъ часто выражается въ формахъ, намъ чуждыхъ, и непонятныхъ. Мы же для нихъ, конечно, еще болѣе непонятны и странны. Между тѣмъ, если вникнуть въ глубину, то основаніе, корень благочестія — одинъ. Живя во Франціи, мы видимъ глубокую и традиціонную религіозность значительной части народа. Достаточно посмотрѣть на Парижъ въ Маѣ—мѣсяцѣ Пересвятой Дѣвы Маріи, когда улицы украшаются прекрасными весенними цвѣтами, трогательными фигурами Христовыхъ невѣстъ, дѣвочекъ причастницъ въ длинныхъ бѣлыхъ платьицахъ, стоитъ пойти на лѣвый берегъ Сены, гдѣ въ старыхъ кварталахъ почти половина улицъ названа въ честь святыхъ. И въ то же самое время невѣріе и индифферентизмъ большинства настолько сильны и прочны, что сердце щемитъ. Чтобы понять это противорѣчіе, стараешься вникнуть въ духъ и формы французской религіозности. Два обстоятельства обращаютъ на себя при этомъ особое вниманіе. Первая — это нѣкоторая узость, какъ бы провинціальныи характеръ французскаго благочестія, хотя оно и очень глубоко, и чрезвычайно искренно; второе обстоятельство — громадная роль женщины въ исторіи французской церкви и религіозной жизни. Вспомнимъ Св. Женевьеву, Іоанну, д'Аркъ, Бернардетту въ Лурдѣ, Терезу въ Лизьѣ, Жакелину — сестру Паскаля и. т. д. Вѣроятно, есть нѣкоторая причинная связь между женскимъ вліяніемъ и одно-сторонностью благочестія, но впрочемъ главное основаніе послѣдней нужно все-таки видѣть въ пристрастіи французъ къ формуламъ. Между тѣмъ многообразія и сложности религіозныхъ переживаній въ рациональныя общія формулы не уложишь, и всякая такая попытка дѣлаетъ зашнурованное благочестіе пріемлемымъ лишь для очень органиченнаго круга лицъ, отгоняя большинство. Обращаетъ на себя вниманіе и тотъ любопытный, фактъ что многіе и часто виднѣйшіе, представители математическихъ наукъ во Франціи были вѣрующими католиками. Къ ихъ числу принадлежатъ: Декартъ, Мерсеннъ, Паскаль, Мопертюи, Коши, Амперъ, Лапласъ, Дюгемъ, П. Таннери и. т. д. Очевидно, что

этихъ формулы французской религіозности не отталкивали: вѣрующіе математики даже накладывали на благочестіе отпечатокъ того «геометрическаго духа», о которомъ говоритъ Паскаль въ своихъ «Мысляхъ», указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на его отличія отъ «Духа проникательности (тонкости)»

«Духъ геометріи — это стремленіе все начинать съ опредѣленій и принциповъ».

— Духъ тонкости: это — интуиція, зоркость внутренняго зрѣнія острота сужденія.

Французскій геній отмѣченъ преимущественно печатью духа геометріи, а русскій — духа проникательности и тонкости.

Поэтому приходится употреблять особыя усилія, чтобы приблизиться къ внутреннему міру французъ. Подходъ къ нему можно найти, выбравъ изъ среды французскихъ мыслителей, тѣхъ, которые, будучи типичными французами, въ то же самое время походили бы на насъ нѣкоторыми сторонами своего внутренняго я.

Съ кого же начать?

Первый, кто приходитъ въ голову, это Паскаль. Не разъ слышишь, какъ его сравниваютъ съ Достоевскимъ. Такое сопоставленіе имѣетъ глубокія основанія, такъ-какъ несмотря на опредѣленное различіе въ ихъ психикѣ, несмотря на то, что ихъ раздѣляетъ промежутокъ времени въ 230 лѣтъ, сынъ важнаго французскаго провинціальнаго чиновника и сынъ скромнаго штабъ — лѣкаря и небогатаго московскаго купчихи — родные братья по духу. Одна у нихъ несокрушимая и безпощадная честность мысли, одно горѣніе сердца и одно неутомимое исканіе Божьей Правды. Думается поэтому, что идеи Достоевскаго, типичныя русскія религіозныя идеи, могли бы быть усвоены французами черезъ посредство его но это лишь одинъ изъ путей сближенія ихъ души съ нашей, ко онъ не единственный. Среди французской интеллигенціи, вѣроятно, чаще, чѣмъ въ какой-либо иной, можно встрѣтить лицъ, принадлежащихъ къ одной изъ слѣдующихъ двухъ категорій. Одни сначала были вѣрующими, а потомъ поколебались въ своей вѣрѣ или даже утратили ее совсѣмъ, другіе — начали съ невѣрія, затѣмъ повернули къ Богу, но не дошли до Него, а остановились на пол-пути. Къ первой группѣ можно отнести Ламеннэ, Отца Гиацинта, Сентъ-Бева, Виктора Гюго, Альфреда де Виньи, Ренана, ко вто-

рой — Сенъ-Симонъ, Жоржъ Зандъ, Огюста Конта, Тэна.

Изученіе психологіи этихъ людей и причинъ ихъ сомнѣній, паденій и неудачъ укажетъ намъ пути и способы духовнаго общенія съ современными французскими богоскательями.

Русскіе люди получили отъ Господа Бога даръ вдумываться въ чужія души, постигать ихъ и находить въ нихъ откликъ. Не нужно русской вѣрующей молодежи закапывать этого дара въ землю, она не должна замыкаться въ своей средѣ, сторониться французовъ; напротивъ того, мы должны идти къ нимъ съ открытой душой и съ братской любовью, смиренно учиться у нихъ тому, въ чемъ они превосходятъ насъ и смиренно же предлагать и нести имъ на помощь тѣ вѣчныя, вселенскія, духовныя сокровища, которыя, въ нетлѣнной красо-

тѣ, мы, недостойные, сподобились найти опять подъ развалинами русскихъ мірскихъ благъ и рускаго земнаго могущества. Съ этими богатствами намъ слѣдуетъ, главнымъ образомъ, обращаться къ сомнѣвающимся; мы принесемъ имъ теплоту восточнаго христіанства — съ ея помощью нѣкоторые изъ несчастныхъ, можетъ быть, скорѣе найдутъ вѣру, но закрѣпятъ ее они, вѣроятно, прочнѣе всего въ оградѣ родной имъ католической церкви Франціи. Другого намъ, несмотря на непоколебимость нашихъ православныхъ убѣжденій и не нужно добиваться, иначе возникнетъ соблазнъ, огорченіе и раздраженіе, и дѣлу общей борьбы противъ невѣрія будетъ нанесенъ большой вредъ.

Странникъ,

Парижъ.

А к т р и с а *).

Въ рабочихъ районахъ стало популярно имя революціонной артистки Анны Рейнгардъ, прославившейся главнымъ образомъ антирелигіозными выступленіями.

А ея новая пантомима «Возстаніе» каждый разъ вызывала шумный восторгъ рабочей аудиторіи.

И эту маленькую, златоволосую женщину рабочіе иначе не называли какъ «наша актриса», такъ какъ ни въ чьей игрѣ не было столько правды и искренности, сколько у нея.

Когда-то владѣлица большого имѣнія и богатаго особняка, она за годы революціи прошла черезъ все. Плѣнявшая своихъ гостей голосомъ и граціей, она рѣшила примѣнить свои способности для того, чтобы зарабатывать хлѣбъ и не умереть съ голода. Но опустилась до подъѣзда актерской биржи и за три, за два рубля пѣла

въ пивныхъ, въ дешевыхъ кабарэ по три сеанса въ вечеръ, простаивая за неимѣніемъ уборной въ заплыванномъ корридорчикѣ въ ожиданіи своей очереди.

И никакъ не умѣла отстаивать свое достоинство среди наглыхъ и потерявшихъ всякую совѣсть людей, которымъ было рѣшительно все равно, чѣмъ зарабатывать хлѣбъ.

И она, зарабатывая иногда по два съ полтиной въ недѣлю, дошла до такой жизни, когда бояться встрѣчи съ знакомыми и не выходятъ на улицу, чтобы не проходить мимо булочныхъ съ нагло выставленными на полкахъ булками.

Въ послѣднее время у нея не было пудры (лишеніе, котораго она никогда себѣ не представляла возможнымъ). Она, мучаясь отъ стыда передъ самой собой, употребляла вмѣсто нея зубной порошокъ. Она не имѣла возможности отдать прачкѣ бѣлье, и сама, заперши отъ предосторожности дверь, стирала свои сорочки въ суповой мискѣ. А когда у нея осталась только одна сорочка, ей пришлось наскоро сдѣлать другую изъ наволочки, срѣзавъ углы и прорѣзавъ отверстіе для головы.

Но зубной порошокъ вмѣсто пудры угнеталъ ее больше голода, больше отсутствія

*) Перепечатано изъ новой книги рассказовъ одного изъ талантливыхъ и безпристрастныхъ писателей СССР, Пантелеймона Романова. Помѣщаемъ этотъ взятый изъ жизни набросокъ, какъ яркую и правдивую зарисовку болѣзненныхъ измѣненій и искаженій человѣческаго духа въ условіяхъ со- вѣтскаго быта.